

образом, поведение коллаборационистов оценивалось исключительно морально-этическими категориями и учёными не анализировалось. Особое внимание советские историографы уделяли деятельности коллаборационистов прибалтийских республик и Западной Украины¹⁷.

Также на изучение феномена коллаборационизма в советское время повлияло ограничение доступа исследователей к соответствующим архивным источникам. В основном при написании работ по теме учёные использовали воспоминания партизан и членов подпольных групп. Здесь коллаборационисты изображались бывшими кулаками, жертвами репрессий и «буржуазными националистами» (так называли национальные меньшинства, которые по причине якобы массового сотрудничества с врагом в годы войны после её окончания были депортированы¹⁸).

Если западные историографы периода холодной войны изображали сотрудничавших с нацистами граждан СССР как смелых борцов со сталинским режимом, то советские — давали им исключительно негативную оценку, объясняя причины возникновения коллаборационизма классовой и национальной принадлежностью изменников Родины¹⁹.

После распада Советского Союза российские историки приступили к подробному исследованию данной проблематики. Во-первых, это объяснялось значением Великой Отечественной войны для государства в целом и для каждой семьи в частности. Как отмечал А. Вайнер, Победа 1945 г., отеснив мифологию революции и Гражданской войны, стала для каждого гражданина СССР мощным способом советизации и самоидентификации²⁰. Во-вторых, исследователям стал интересен не только опыт людей, непосредственно сражавшихся на фронтах войны, но и переживших оккупацию. В-третьих, после «архивной революции» 1990-х гг. стало возможным всестороннее изучение социальной истории Второй мировой войны на Восточном фронте.

Началось исследование коллаборационизма как феномена, причём учёные старались отойти от морально окрашенных оценок поведения советских граждан, решивших сотрудничать с врагом. В связи с этим стоит отметить работу М.И. Семиряги²¹, который впервые в российской историографии показал, что в 1939—1945 гг. жители многих стран, несмотря на господствовавшие в них разные идеологии, сотрудничали с нацистским оккупационным режимом.

В постсоветский период историки выявили типы коллаборационизма (военный, гражданский, хозяйственный, в сфере культуры)²², начали подробно

¹⁷ Бутенас Ю. Буржуазные националисты-пособники гитлеровских оккупантов // Гитлеровская оккупация в Литве. Сборник статей. Вильнюс, 1966. С. 25—46; Коровин В.В., Чередниченко В.П. Буржуазные националисты на службе фашистских захватчиков // Война в тылу врага. О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Вып. 1. М., 1974. С. 321—446; Мигович И.И. Преступный альянс. О союзе униатской церкви и украинского буржуазного национализма. М., 1985.

¹⁸ Например, относительно крымских татар см.: Uehling G. Beyond Memory. The Crimean Tatars' Deportation and Return. N.Y., 2004.

¹⁹ Подробнее о зарубежной историографии периода холодной войны см.: Suny R.G. Reading Russia and the Soviet Union in the Twentieth Century: How the «West» Wrote its History of the USSR // The Cambridge History of Russia / Ed. by R.G. Suny. Vol. 3. Cambridge, 2006. P. 5—64.

²⁰ Weiner A. Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, 2001.

²¹ Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй мировой войны. М., 2000.

²² Подробнее об этом см.: Кринько Е.Ф. Коллаборационизм в СССР... С. 156—157.